

АРТЕМ ПОЛЯК СОПИУМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём PoLYAK

Corium

<https://litres.ru/74379762>

SelfPub; 2026

Аннотация

В безупречно умытом городе Ведомства будущее отпускают строго по рецепту, а реальность заглушают стимуляторами. Артемий — обычный фармацевт в государственной аптеке. Каждый день он продает измотанным пропагандой людям «временное отключение функции будущее». Здесь каждый верит, что полностью контролирует свою жизнь. Но ведомственные экраны все чаще лагают, транслируя угрозу ядерного удара. Артемий еще не знает, что Системе осталось жить считанные дни, а привычный цифровой мир вот-вот оборвется, заставив выживших прорасти своими худшими иллюзиями в серую, мертвую землю.

Книга создана по задумке автора при помощи нейросетевых технологий Gemini.

Содержание

Греча-номинал	4
Baguvix и ведомственный паек	12
Бухгалтерия отчаяния	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Артём PoLYAK Corium

Греча-номинал

Шёл 2056 год. Воздух над Боснией пах озоном, горелой пластмассой и дешёвым рапсовым маслом, на котором в уличных ларьках жарили социальные пирожки. Было душно. В небе, лениво перебирая серыми винтами, висел ведомственный дирижабль. На его плоском брюхе моргал огромный неоновый экран, транслировавший котировки акций оборонных заводов и свежие фронтовые стримы.

Артемию стоял на тротуаре, умытом утренней поливальной машиной. Город вокруг жил своей привычной и до ужаса нормальной жизнью. Мимо проезжали трамваи, пахло свежей выпечкой из пекарни напротив, куда уже выстроилась небольшая очередь из горожан. Дети в выглаженной школьной форме со смехом бежали на уроки.

Двадцать лет войны шли где-то там — на далёких, невидимых фронтах, о которых напоминали лишь ежедневные сводки новостей. И именно от этой обыденности Артемию становилось тошно. Весь ужас происходящего крылся в том, что этот ад стал для людей новой, абсолютно комфортной нормой. Люди научились пить латте под завывание сирен и

проверять лайки в пабликах одновременно с отчётами о потерях под Малым-Леєм.

Он поднял глаза на фасад Церкви Войны и Мира. Собор из аккуратного светлого камня идеально вписывался в архитектуру чистой улицы. Его парадные ворота, выкрашенные в глубокий, глянцево-багровый цвет, приковывали к себе взгляд. На безупречно лакированном дереве сверкали свежей позолотой кованые буквы официального манифеста, сплетаясь вокруг эмблемы культа — перевёрнутого креста, на который опирались щит и копьё.

Артемий вчитывался в эти золотые строки, чувствуя, как за их парадным блеском разверзается бездна. На левой створке, прямо на уровне глаз прохожих, монументально выводил праведный догмат:

«МИР — НА ОСТРИЕ КОПЬЯ. ВОЙНА — НАШ ПУТЬ К НЕМУ».

Люди читали это по пути на работу, как утреннюю газету. Лозунг больше не казался дикостью. Церковь элегантно объяснила обществу: относительно сытая жизнь в тылу существует только потому, что где-то далеко копьё безостановочно пронзает чужую плоть. Война с Каргарией стала не трагедией, а единственным фундаментом их благополучия, бесконечным топливом для этой мирной идиллии.

Чуть ниже, над самым замком ворот, красовалось теологическое предписание для тех, кому не повезло оказаться на передовой:

«ПРИМИ ГОРЕ, ОБНИМИ СМЕРТЬ: ПОДСТАВЬ ЩЕКУ ПОД УДАР ГОСПОДЕНЬ».

В исполнении холёных, сытых священников эта заповедь звучала извращённо-изящно. Утончённый средний класс Боснии соглашался с ней без тени сомнения. «Подставить щёку» в этой безупречной системе означало безропотно отпращивать своих сыновей в мясорубку. Смиренно, с улыбкой гражданского долга принимать похоронки, ведь страдание — это высшая благодать, одобренная государством.

На правой створке золото букв чеканило абсолютное оправдание любого безумия:

«ДОМ ЖАЖДЕТ ПРАВЕДНОСТИ. ЦЕНА НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ».

Их «Дом» был богат, ухожен и велик. И ради того, чтобы весь остальной мир признал эту праведность, ради безупречного имиджа нации, эта идеальная сытая машина была готова платить миллионами жизней своих и чужих граждан. Любая цена казалась приемлемой, когда её списывали со счетов те, кто сидел в тёплых кабинетах.

И у самого подножия ворот, на каменном цоколе, куда дворник только что бережно смёл сухие листья, был выбит финальный приговор:

«ГОРЕ ПОБЕЖДЁННЫМ».

Ирония, от которой у Артемия сводило челюсти, в условиях мирного города становилась ещё страшнее. За двадцать лет войны никто так и не победил. Фронт не двигался. По-

бедителей не было, а значит, под этот лозунг попадали абсолютно все — и те, кто гнил в окопах, и эти люди, покупающие сейчас хлеб по акции. Они все были побеждены этой системой, просто тыл ещё не понял, что его горе — в его ослепшем согласии на вечную бойню.

Позади Артемия послышался размеренный, тяжёлый шаг. Три солдата в парадно-выходной форме, с начищенными до блеска бляхами ремней и аккуратными винтовками за плечами, остановились перед центром. Старший — капрал с безупречной выправкой — истово и размашисто перекрестился на золотые буквы культа. Два других безмолвно, с лёгкими, почтительными улыбками повторили его жест.

— Горе побеждённым, — чётко, с гордостью в голосе произнёс капрал, глядя на нижнюю надпись. В его интонации не было скорби — только уверенность палача, который убеждён, что он-то точно на стороне сильных.

— Во славу Дома, — отчеканили двое других.

Они аккуратно надели фуражки, поправили ремни и слаженно, печатая шаг по тротуару, пошли дальше в сторону парка, где играл военный оркестр. Они шли со службы, абсолютно уверенные в своей праведности.

Артемий проводил их взглядом. От этого безупречного порядка, от этого вежливого, респектабельного фанатизма его едва не вывернуло. Ад не обязательно должен быть в руинах и огне. Настоящий ад — это когда культ смерти становится частью повседневной жизни, и никто вокруг больше

не видит в этом ничего странного.

Он отвернулся и поспешил уйти. Возле храмовых ступеней, прямо на корточках, сидел бомж Евгений. В этом оцифрованном мире он выглядел системным сбоем: грязный пуховик, привязанный к руке изолентой повербанк и старый смартфон с треснувшим экраном. Евгений трясущимися руками пытался наскрести на цифровую свечку в Церкви, собирая у прохожих мелочь и стреляя сигареты.

— Подай на покаяние ради Христа и Святого Копья, начальник, — прохрипел Евгений, заметив Артемия. — Аккаунт забанили за то, что долго без работы, карма в минусе, даже к терминалу раздачи не подпускают. Помоги подставить щёку под тяжесть момента...

Артемий молча ускорил шаг. Стоило ему бросить взгляд на витрину закрытого книжного магазина, как на стекле тут же активировался таргетированный баннер Ведомства. Система считала его биометрический профиль:

«Гражданин Артемий. Ваша текущая норма думскроллинга превышена на 24%. Ведомство рекомендует: пакет „Вечернее Безмолвие“ со скидкой 15%. Не думай о фронте — фронт думает о тебе».

Артемий моргнул, сбрасывая рекламу, и упёрся в плотную очередь перед автоматизированным распределительным пунктом «Колос-4». Над железными дверями магазина горела тусклая вывеска со знакомым логотипом — стилизованным щитом Ведомства, подозрительно напоминавшим

иконку блокировки в браузере.

Очередь двигалась медленно. Чуть впереди Артемия стояла грузная, тяжело дышащая женщина в дорогом пальто. Из её кармана торчал шприц-тюбик от государственного редуктора веса. Она спорила со своим смартфоном, то и дело вызывая голосового помощника Ведомства.

— Запишите обращение в техподдержку, — раздражённо шептала она, пока её статус-бар над головой мерцал агрессивным красным. — Ваш «Жиросжиг-Милитари» отлично сбивает аппетит к еде, но я всё ещё чувствую голод к хорошей жизни. Назначьте мне дозу выше. Я не могу смотреть на эти чистые улицы, меня тошнит от их глянца. Измените настройки!

Терминал выдачи коротко, стерильно пискнул — звук был похож на сигнал «Ошибка 404». Железный лоток выплюнул серый, пыльный мешок с надписью: «Социальный пакет. Греча — 1002 единицы. Профилактика социального напряжения». Женщина схватила мешок и, тяжело переваливаясь, пошла прочь.

Артемий подошёл к освободившемуся терминалу. Приложил палец к стеклу сканера. Экран моргнул зеленоватым светом, выдав его ведомственную карточку:

«Гражданин Артемий. Профессия: фармацевт. Допуск к спец-медикаментам: подтверждён. Списание: 3800 греч. Риск-сбор: 0% (Льгота Ведомства)».

Железный лоток с лязгом выплюнул его пайку. Артемий

забрал серый мешок, чувствуя, как сквозь плотную ткань пальцы ощущают холод безжизненного номинала. Ирония заключалась в том, что «греча-номинал» физически делалась из перемолотой в муку гречневой шелухи, смешанной с жидким поликарбонатом. Полученная масса прессовалась в форму, а для жёсткости и веса внутрь вплавлялся железный каркас.

Из динамиков дирижабля над головой раздался бодрый военный марш, перебиваемый рекламой: «Багувикс — твой чит-код на бессмертие. Спрашивайте в аптеках вашего сектора».

«Пора бы зайти в „Монеточку“ да реализовать гречу номинальную в гречу реальную, по прямому ведомственному курсу», — подумал он.

Он зашёл в торговый центр, пестривший всевозможными яствами на рекламных голограммах, но кроме этой пресловутой крупы позволить себе ничего не мог. Да и не хотел — не видел смысла. Автомат раздачи «Колос-Монеточный» с сухим стуком выдал настоящую крупу и язвительно-вежливым электронным голосом пожелал ему приятного аппетита.

Артемий спрятал мешок в рюкзак и снова посмотрел назад — на лакированные ворота Церкви Войны и Мира, где золотые буквы продолжали гореть на утреннем солнце.

«Мы не покупаем еду, — подумал он, разворачиваясь в сторону дома. — Мы покупаем право не чувствовать себя мёртвыми ещё один день. И Ведомство это знает. Поэтому и

выдаёт нам гречу по талонам».

Завтра утром его функция «будущее» должна была снова включиться по расписанию. Его ждала смена в аптеке. Сменщица Катрен Петровна, которая уже наверняка подготовила левые накладные для чёрного рынка, глянец медицинских буклетов от Арсения Фейзера и, конечно, тяжёлый, оценивающий взгляд капитана Котлована, для которого весь этот чистый, умытый город был лишь строкой в Excel-таблице.

Baguvix и ведомственный паек

Аптека четвёртого ведомственного сектора сияла стерильной белизной, от которой у Артемия всегда начинали слезиться глаза. Здесь не пахло болезнью — здесь пахло спиртом, дорогим пластиком и сухим кондиционированным воздухом. На бесконечных стеклянных полках, подсвеченных снизу мягким неоном, ровными рядами стояли упаковки седативных, стимуляторов, народной гомеопатии, синтетических растений, прошедших ультимативную радиационную обработку, и адаптогенов «социального ассортимента». На каждой коробке красовался всё тот же лакированный красный щит Ведомства. Ассоциации с Церковью приходили сами по себе при виде него. И на это Ведомство и рассчитывало: неделимый, монолитный союз Церкви и государства давал такую необходимую Боснии веру и уверенность.

Катрен Петровна щёлкнула зажигалкой и затянулась. В аптеке курить было нельзя, но ей было всё равно.

— Слушай, Артём, — выдохнула она дым в сторону камеры над прилавком, — мне тут на чёрном рынке шепнули, что гречу опять переоценивают. Говорят, на границе с Крагарией что-то зашевелилось, и Ведомство подняло «риск-коэффициент».

Артемий молча протирает сканер. На тряпке оставался серый налёт — пыль от тяжёлых металлических жетонов, при-

несённая вчерашними посетителями с улицы.

— Греча — это не валюта, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — Это мера вины.

Катрен хмыкнула:

— Ну, ты философ. А по факту — это единственное, что у людей осталось. После четырёх дефолтов старая валюта умерла окончательно. Сначала она ассоциировалась с дефицитом, потом с голодом, потом с поражением. И Ведомство просто переименовало её. Теперь это греча. Потому что греча — это то, что всегда было в пайке. То, что спасает, когда всё остальное сгорает.

Артемий взглянул на неё.

— Но это же те же деньги, просто стилизованные под гречу. Как можно было всех так переубедить? И для чего?

Катрен выпустила тонкую струю дыма, посмотрела на него с усталой усмешкой — так смотрят на человека, который слишком долго не выходил из аптеки и забыл, как устроен мир снаружи.

— Тёма, Тёма, — покачала она головой. — Убедить человека можно в чём угодно, поверь мне, дипломированному продавцу гомеопатии. Тут ведь дело не в том, что они не понимают, что это просто деньги. Дело в том, что им нужно, чтобы это была греча. Пусть даже на жетонах выбит колос, а не портрет забытого героя. Пусть даже курс считают в килограммах.

Она постучала ногтем по стеклянной витрине, где лежали

упаковки гомеопатии — ровно, как в музее, без намёка на реальную потребность.

— Когда у тебя в доме три месяца подряд нет хлеба, тебе спокойнее думать, что ты платишь не абстрактными цифрами, а чем-то, что можно сварить и съесть. Даже если ты знаешь, что не будешь. Даже если эти жетоны в жизни не станут крупой. Это даёт иллюзию, что система всё ещё про выживание, а не про контроль. А Ведомству только того и надо: пусть думают, что это про еду. Тогда они не заметят, что на самом деле платят страхом.

Артемий снова опустил глаза к сканеру. Протёр одну и ту же точку дважды — будто пытался стереть не пыль, а саму эту логику.

— Значит, это не экономика, — тихо сказал он. — Это психология.

— Это политика, Тёма, — поправила Катрен, гася сигарету о край полки так небрежно, будто это был самый обычный предмет в мире. — Экономика — это когда считают прибыль. А тут считают лояльность. И знаешь, что самое смешное? Они даже не понимают, что сами придумали эту связь. «Греча — значит еда — значит жизнь». А потом сами же её и монетизировали. Красиво, правда?

Она снова повернулась к своему терминалу. Её пальцы быстро залетали по сенсорной панели. Артемий знал, что в скрытой вкладке у неё висел левый лог списания «репродуктивного брака» — та самая коробка боевого стимулятора

«Багувикс», которую она планировала продать в обход Котлована.

— Из Ведомства пришёл спец-заказ, — не меняя тона, продолжила она, уверенная, что полностью контролирует мёртвую зону камер слежения. — Пять коробок «Багувикса» для штурмового батальона «Копьё-9». Но по официальным накладным Котлована пройдёт четыре. Понимаешь, к чему я клоню? Солдатам на фронте всё равно, сколько шприцев в ящике, они под этой дрянью пальцы свои сосчитать не могут. А у нас в третьем секторе есть люди, готовые платить за чистый, неразбавленный адrenoхром тройную цену в обход любых риск-сборов. Ты слишком много думаешь, Тёма. Лицо вечно такое, будто тебя прямо сейчас на фронт везут. Расслабься. Тут либо ты их травишь и зарабатываешь, либо система тебя саму перемалывает на фарш. Я хотя бы деньги с этого имею. Я знаю, где чей лог и куда течёт цифра.

Артемий смотрел на её уверенные, сухие пальцы и думал о том, что её прагматизм — это самый страшный наркотик. Катрен искренне верила, что если она ворует у Ведомства коробку стимуляторов и обходит алгоритмы слежки, то она — хозяйка своей жизни. Это была её личная иллюзия контроля, идеальный аналог ЛСД. Система позволяла ей красть ровно столько, чтобы она чувствовала себя свободной и не замечала, как сама сидит в этой стерильной клетке под тремя камерами высокого разрешения, которые фиксировали каждое её движение.

Внезапно дверь аптеки звякнула — короткий, стерильный звук, похожий на сигнал старого мессенджера аськи. На пороге показался человек, от которого пахло дорогим парфюмом, смешанным со свежей типографской краской. Это был Арсений Фейзер, медицинский представитель военной отрасли. В руках он держал стопку безупречно глянцевых, пахнущих лаком рекламных буклетов. На обложке улыбающийся парень в безупречной камуфляжной форме Ведомства целился куда-то за горизонт, а над его шлемом парил изящный слоган: «Багувикс. Синхронизируй свой внутренний мир с внешними задачами Дома».

— Доброе утро, коллеги! Инновационного дня и высокой волатильности на рынке здоровья! — Фейзер шагнул к прилавку, переводя язык государственного насилия на безупречный язык маркетинга. — Принёс вам свежие промо-материалы по нашему флагману. Ведомство обновило позиционирование «Багувикса». Теперь это не просто «боевой стимулятор». Теперь это — витаминный комплекс для повышения индивидуальной стрессоустойчивости в условиях текущего момента! Посмотрите на этот дизайн, Катрен Петровна. Мы убрали из описания словосочетания «необратимые изменения психики» и «галлюцинаторный синдром». Теперь это называется «расширенным горизонтом планирования». Рынок требует позитива! Солдаты в чатах пишут, что под нашим продуктом штурм дота ощущается как хорошая киберспортивная катка. Чистый драйв, ноль паники.

Артемий молча смотрел на бейдж медпредставителя, где глянцевыми буквами было выбито: «А. Фейзер. Департамент продвижения военно-медицинских субстанций».

В старых, чудом уцелевших медицинских справочниках, которые Артемий листал в подсобке, когда сеть ещё не была так жёстко кастрирована алгоритмами Ведомства, ему часто попадалось созвучное имя. «Файзер». Легендарный фармацевтический левиафан прошлого, когда-то лечивший планету от вирусов и собиравший миллиарды на продлении человеческого бытия. Система Боснии провела свой ультимативный ребрендинг. Она лёгким движением государственной воли заменила одну букву, превратив «Файзер» в «Фейзер» — от слова «фаза» или «фазер», девайс для переключения режимов сознания и выжигания чужих окопов. Старый мир продавал таблетки, чтобы люди дольше жили и больше покупали. Новый мир — в лице Арсения — продавал глянцевый нектар смерти, упакованный в термины «стрессоустойчивости».

Артемий вспомнил давний разговор с ним, когда эту адскую смесь только вводили на рынок — конечно, исключительно в военных целях.

— Понимаешь, Артемий, этот мир — криво написанный софт, — Арсений тогда лениво покрутил в пальцах прозрачную ампулу с неоновым отливом. — В нём защиты жёсткие лимиты: лимит на страх, лимит на выносливость, лимит на

боль. Сердце обывателя защищено предохранителями. Но если соединить синтетический гормон страха с опиатным буфером и капнуть туда кислоты, то предохранители сгорают. Происходит то, что в древних компьютерных клубах называли «baguix» — режим бога. Человек выходит за пределы текстур.

— А почему «Багувикс»? — спросил тогда Артемий, разглядывая мутную жидкость.

— Потому что это баг, Артемиюшка. Визуальный баг восприятия, возведённый в ранг военной доктрины. ЛСД показывает бойцу, что стена перед ним — это просто набор пикселей, адренохром заставляет эти пиксели ненавидеть, а трамал гарантирует, что даже если эти пиксели оторвут ему ногу, он заметит это только в следующей реинкарнации. Это не бессмертие тела. Это бессмертие неведения.

Артемий слишком хорошо помнил официальную инструкцию к препарату, где сухим ведомственным языком описывался фармакологический эффект «Багувикса»:

* Адреналин и Мельдоний (Физический разгон): Адреналин мгновенно запускает режим «бей или беги», заставляя сердце бешено колотиться. Мельдоний в этой связке защищает клетки миокарда от ишемии под экстремальной нагрузкой, позволяя бойцу бежать быстрее и дольше без мгновенного инфаркта.

* Трамадол (Анестезия): Мощный опиоидный анальгетик.

Боец полностью перестаёт чувствовать боль от пулевых или ножевых ранений. Он способен продолжать идти в атаку с перебитыми конечностями.

* ЛСД (Искажение восприятия): Психоделик тотально ломает тактильное и визуальное восприятие. Время для бойца субъективно замедляется, превращаясь в контролируемый эффект «слоу-мо», а страх смерти исчезает, сменяясь экстатическим восторгом.

* Адренохром (Эйфория безумия): В реальности — обычный продукт окисления адреналина с сомнительным медицинским эффектом. Но в умах людей и доктрине Ведомства адренохром закрепился как символ абсолютного безумия, высшей эйфории и необходимой на фронте животной жестокости.

Катрен Петровна даже не взглянула на буклет, который Фейзер продолжал настойчиво двигать по прилавку. Она продолжала стучать длинными ногтями по экрану своего терминала.

— Арсений, избавь меня от этой презентации, — сухо прервала она его, не поворачивая головы. — Твой Фейзер-маркетинг хорош для отчётов Котловану. Переименовали они, надо же. Раньше у тебя дед, небось, виагру на экспорт возил, а теперь ты боевые психоделики впариваешь как витамины под новой вывеской. Думаешь, если букву в названии поменяли, то адренохром в шприцах стал святой во-

дой? Ко мне вчера приходила дежурная уборщица из военного госпиталя. Просила сильное чистящее, чтобы отмывать этот твой «драйв» со стен реанимации. Твой «витаминный комплекс» заставляет их улыбаться, пока им ноги отпиливают, но когда действие кончается, у них сознание лагает так, что они собственное имя в базе данных вспомнить не могут. Так что давай к делу. Сколько упаковок пойдёт бонусом за размещение твоих бумажек на витрине?

Фейзер ничуть не смутился. Его цифровая, отрендеренная улыбка даже не дрогнула.

— Для вас, Катрен Петровна, как для топ-менеджера нашего лучшего филиала — индивидуальные условия. Плюс два процента к вашей личной цифровой квоте. Вы полностью контролируете этот сектор, мы это ценим. А преемственность брендов — это просто оптимизация исторического наследия под задачи текущего момента.

Катрен довольно прищурилась. Артемий молча наблюдал за этой сценой со своего рабочего места, настраивая лазерный сканер рецептов.

«Топ-менеджер», — подумал Артемий. — «Она искренне верит, что эти два процента квоты от Фейзера делают её свободной. Она думает, что управляет чёрным рынком, пока система продаёт ей иллюзию контроля под видом партнёрских бонусов. Это её личный трип. Её ЛСД, который не нужно колоть в вену — он поступает напрямую через цифры

на экране».

Дверь аптеки снова пикнула знакомым звуком аськи. Фейзер, коротко кивнув на прощание, растворился в стерильном утреннем свете улицы. Вместо него в зал, прихрамывая, зашёл бывший военный наркоман — мужчина с бледным лицом и глубокими тенями под глазами, чья левая рука постоянно дёргалась, будто пыталась нащупать несуществующий интерфейс на запястье.

Над его головой Артемий мгновенно считал статус-бар, вспыхнувший тревожным фиолетовым цветом: «Критический уровень деградации рецепторов. Рекомендована принудительная госпитализация».

Мужчина подошёл к прилавку Артемия, опираясь на стекло дрожащими руками. Из рукава его куртки пахло сыростью и дешёвым табаком — точно таким же, какой курил бомж Евгений у храма.

— Слышь, фармацевт... — хрипло прошептал он, оглядываясь на застывшую у своего терминала Катрен Петровну. — Дай чего-нибудь, чтобы... чтобы лента в башке остановилась. Я когда спать ложусь, у меня перед глазами фронтовые стримы Ведомства крутятся. Прямо на сетчатке. Как будто я из сети выйти не могу. Понимаешь... кишки, оторванные ноги, руки я могу забыть. Но их лица... Нет. Дай «Багувикса»... хоть половинку ампулы. Мне капеллан на фронте говорил, что он лечит от всего. Что это наш путь к миру.

Артемий посмотрел на его лог. В строке «Допуск» горел

жирный красный крест.

— Без ведомственного ID Котлована я не могу выдать препарат, — тихо сказал Артемий. — Система заблокирует терминал.

— Да мне плевать на систему! — мужчина вдруг сорвался на крик, и его фиолетовый статус над головой сменился агрессивным алым. — Я двадцать лет за этот Дом щёку подставлял! У меня сын под Малым-Леєм остался, его аватар до сих пор в пабликах памяти Ведомства как живой висит, лайки собирает! А я здесь сдохнуть должен от этого цифрового сквозняка в черепе?!

Катрен Петровна резко поднялась со своего места. Иллюзия тотального контроля на её лице сменилась холодной, административной яростью.

— Гражданин, успокойтесь, иначе я нажму кнопку калибровки поведения, и штурмовики Котлована обнулят ваш аккаунт прямо на этом кафеле, — отчеканила она. — Артемий, выдай ему стандартный социальный препарат третьего уровня и спиши по логу «профилактика напряжения». Не порть мне утреннюю статистику.

Этим препаратом была гомеопатическая настойка из десяти редких горных трав с откровенно сомнительным эффектом.

Артемий молча потянулся к полке. Он знал, что эта жидкость не остановит трансляцию в голове несчастного. Она даже не выключит функцию «будущее» ещё на двенадцать

часов. Для системы этот человек уже был отработанным сырьём, и Петровна, уверенная в своей власти, просто перетаскивала его строчку в виртуальную корзину.

Бухгалтерия отчаяния

Очередной рабочий день начинался по накатанной траектории. Спешный глоток эрзац-кофе — настоящий стоил дороже тысячи пайков, — наскоро натянутая форменная куртка и длинное пальто поверх.

Утреннее солнце Четвертого сектора не всходило — его транслировали. Оно поднималось аккуратным багровым пикселем над лакированными воротами Церкви Войны и Мира, а затем осыпалось на глянцевые фасады статус-баров мягкой неоновой пылью.

В ведомственной аптеке пахло формалином и стерильной святостью. Артемий прижал ладонь к сенсору главного терминала. Экран мигнул, выпуская по стеклу анимированную цифровую лозу — «Колос-4» благословлял фармацевтический щит Дома. В углу привычно запульсировал баннер: «Твоя греча — твоя верность. Пожертвуй 0,5% на Острие Копья». Не задумываясь, Артемий ткнул в графу «Согласен». Система выдала короткий, удовлетворенный писк.

Катрен Петровна уже сидела на своем месте. Её знаменитая, выжженная гидроперитом «хала» — монолитная башня из волос, намертво схваченная лаком, — возвышалась над кассовым аппаратом как ведомственный монумент. Штукатурный слой пудры на лице, призванный скрывать землистую кожу тыловики, казался маской, а губы были густо на-

мазаны жирной помадой цвета свернувшейся крови.

Тонкими, сухими пальцами она обнимала стакан с химическим концентратом. Её левое веко ритмично, едва заметно подергивалось — побочный эффект «Бодрости-Премиум», копейечного стимулятора, которым госслужащие заменяли сон. Из-под очков в тяжелой роговой оправе, висящих на тонкой цепочке, Катрен Петровна сверкнула маленькими, цепкими глазами.

— Знаешь, Артемий, — тихо произнесла она, не оборачиваясь, — люди ведь разучились страдать бесплатно. В этом и есть главная победа Сети. Раньше, чтобы заглушить ужас внутри, человеку требовался Бог, исповедь, коленопреклонение. Тяжелый, неэффективный ручной труд. А теперь? Стабильный пинг, подписка на пакет «Психический покой» — и твоя экзистенциальная дыра аккуратно заблокирована до следующего обновления интерфейса.

— А если подписка закончится? — Артемий повесил пальто на плечики и расправил жесткие рукава формы. На витринах ровными рядами, словно патроны в обойме, тускло поблескивали ампулы «Багувикса».

Катрен Петровна цинично усмехнулась, оставив на пластиковом стакане жирный след багровой помады. Она поправила очки, и тяжелая цепочка тихо звякнула о ведомственный бейдж.

— Тогда наступает оффлайн. А оффлайна, как известно из официальных пабликов Дома, не существует. Это просто

временный technical сбой в голове неблагонадежного гражданина.

Двери аптеки с тихим шипением разъехались, отсекая стерильный запах формалина от уличной неоновой пыли. Вошел первый клиент — молодой патриот в безупречно отглаженном кителе. В его расширенных зрачках бешено неслись зеленые строчки дополненной реальности.

— Мне капли «ВОЗРИ», быстро, — забормотал он, переминаясь с ноги на ногу. — Сеть подлагивает, я перестал видеть золотые лозунги на Храме! Мой индекс лояльности из-за этого проседает на глазах, помогите!

Артемий молча выставил на стекло флакон. Парень прижал запястье к сканеру, и пиксельный Колос на экране довольно заиграл багрянцем. Конвейер запустился.

За патриотом потянулась серая, дергающаяся массовка. Мелкие клерки с рухнувшим социальным рейтингом, умоляющие продать седативные без рецепта; контуженые солдаты, в чьих глазах уже закипал тот самый цифровой сквозняк.

Артемий смотрел не на лица, как учили на ведомственных курсах, а на статус-бар над головами посетителей. В его сознании эти цифровые плашки висели всегда.

Когда вошли следующие двое, терминал тревожно пискнул. У неё статус мерцал опасным оранжевым: «Низкий уровень безопасности. Риск-профиль: критический». У него — горел сплошным агрессивным алым: «Повышенная доминанция. Репродуктивная угроза». Арсен и Юля. Она смотрела

в точку на кафельном полу, ровно на стыке между второй и третьей плиткой. Он стоял у неё за спиной — слишком близко, наваливаясь тяжелой тенью и буквально лишая её воздуха.

— Две упаковки, — едва слышно прошептала Юля.

— Без рецепта? — Артемий смахнул шторку терминала. Интерфейс выдал предупреждение: «Категория: репродуктивный риск. Рекомендация: блокировка до осмотра военврача». Артемий закрыл окно одним движением пальца.

— Конечно без рецепта, — спокойно отозвался Арсен. Его голос звучал обыденно, будто он комментировал сводку погоды, но в этой интонации сквозило холодное, удушающее давление. — Зачем нам лишние согласования? Мы ведь не хотим, чтобы Ведомство сделало нас... особым проектом.

Артемий выставил товар на стекло. Сканер издал короткий, стерильный писк, похожий на кардиограмму покойника.

— С вас восемь тысяч триста жетонов, включая риск-сбор за обход ведомственного протокола. Оплата биометрией?

Юля протянула карту. Пальцы у неё так сильно дрожали, что терминал трижды выплевывал пластик обратно. Арсен не двигался, лишь его взгляд тяжелым прессом давил ей в затылок, заставляя женщину сжиматься еще сильнее. Из угла аптеки донесся сухой, презрительный смешок Катрен Петровны. Она медленно поправила свою монолитную лакированную «халу» и шумно втянула остатки синтетического

кофе, наблюдая за ними как за насекомыми на предметном стекле.

На четвертый раз Артемий молча нажал клавишу ручного подтверждения. В этом городе данный жест означал одно: «я соучастник, я закрываю глаза».

Катрен Петровна, пересчитывавшая ампулы в глубине зала, цинично хмыкнула:

— Смотри, Тёма, опять «пакет выживания» собирают. В нашем секторе рождаемость падает быстрее, чем акции оборонного сектора. Но Ведомство довольное: меньше ртов — чище статистика.

Артемий промолчал. Он упаковал товар в плотный ведомственный пакет с багровым Колосом. Когда пара скрылась за дверью, он взглянул на монитор. В строке «Назначение платежа» алгоритм Системы автоматически выбил: «Профилактика социального напряжения». Фармацевт горько усмехнулся про себя. Церковь Войны и Мира охотно закрывала глаза на незаконный оборот, ведь даже высшие чины понимали: рабам необходима хотя бы иллюзия выбора.

Ближе к полудню автоматика дверей снова зашипела, и внутрь ввалилась женщина. Не вошла — именно ввалилась, будто её впихнула в помещение сама удушливая тяжесть Четвертого сектора. На ней было бесформенное серое пальто в неотстирываемых пятнах. Лицо, припудренное дорожной пылью, казалось серым от хронического недосыпа, но в глубине пустых глаз еще тлел упрямый, животный материн-

ский свет. От нее пахло прокисшим молоком, потом и едким стиральным порошком тыловых прачечных.

Катрен Петровна даже не подняла головы от журнала учета, лишь качнулась её монолитная, залитая лаком «хала»:

— Опять эта. Гляди, сейчас начнет скупать весь стеллаж. В её пустой голове засела дикая арифметика: чем больше подгузников она наберет, тем больше смысла в её существовании.

Женщина лихорадочно, сбивая ногти о стекло, принялась выкладывать на прилавок товар. Упаковки подгузников, соски, баночки с детским пюре — всё самого низшего, «социального» класса. На дешевом картоне каш для младенцев красовался свежий патриотический бренд: «Маленький Рескрут». Она вываливала это горой, торопливо, будто панически боялась замереть хоть на секунду и наконец осознать, в какую бездну летит её жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.